

ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК НАСЛЕДНИКА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Мамадалиева Гуласал Нурбек кизи

Магистр Ташкентского государственного
юридического университета, Республика Узбекистан,
г.Ташкент

E-mail: gulasal.mamadaliyeva@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15806292>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 25-Iyun 2025 yil

Ma'qullandi: 28-Iyun 2025 yil

Nashr qilindi: 30-Iyun 2025 yil

KEY WORDS

наследственное право,
несовершеннолетний,
правосубъектность,
обязательная доля, интересы
ребёнка.

ABSTRACT

В статье рассматривается правовой статус несовершеннолетнего в наследственных правоотношениях с позиций современной правовой доктрины. Особое внимание уделено теоретическим подходам к правосубъектности несовершеннолетнего, его роли в системе наследования, а также значениям международных стандартов, включая принцип наилучших интересов ребёнка. Анализируются доктринальные основания института обязательной доли как механизма защиты имущественных прав уязвимых категорий наследников. Введено понятие трансформационного характера правосубъектности, отражающего поэтапное развитие участия ребёнка в наследственных отношениях в зависимости от степени зрелости.

Правовой статус несовершеннолетнего как наследника представляет собой междисциплинарный феномен, находящийся на стыке теории субъективных гражданских прав, доктрины прав ребёнка и концепции ограниченной правоспособности. Наследование как универсальный правовой институт отражает не только юридическую, но и социально-культурную природу передачи имущества, в рамках которой участие несовершеннолетнего требует особого внимания со стороны правовой теории.

Классическая доктрина гражданского права традиционно исходила из формальной модели субъекта, приравнивая правосубъектность к абстрактной возможности участия в имущественных отношениях. Однако с развитием социальных и правозащитных теорий, особенно под влиянием международного права, произошло смещение акцентов в сторону учёта уязвимости и особых интересов несовершеннолетних в частноправовых механизмах. Это проявляется, в частности, в переосмыслении роли несовершеннолетнего как наследника не только как потенциального получателя имущества, но и как объекта правовой защиты со стороны государства и общества.

Международные правовые акты, прежде всего Конвенция ООН о правах ребёнка

(1989), вводят в правовой оборот принцип приоритета наилучших интересов ребёнка, требующий от национальных правовых порядков адекватной реакции на проблемы, возникающие в процессе реализации наследственных прав несовершеннолетних. Современная юридическая наука, в свою очередь, выработала ряд теоретических моделей от формально-юридической до функционально-социологической, объясняющих специфику правового статуса несовершеннолетнего в наследственных правоотношениях.

Проблема правосубъектности несовершеннолетнего в наследственном праве на протяжении последних десятилетий активно осмысливается в юридической теории с позиций различных подходов от формально-юридического до социологически-функционального и трансформационного. Общепринято, что правосубъектность несовершеннолетнего в данном контексте включает в себя элементы общей гражданской правоспособности и дееспособности, однако приобретает специфические черты, обусловленные как возрастными ограничениями, так и необходимостью обеспечения имущественной и социальной защиты ребенка в рамках правопреемства.

В юридической науке всё чаще используется понятие наследственной правосубъектности как особой разновидности правового статуса, присущей наследнику в момент открытия наследства. Как отмечает Гасанов Н.Ф., данная категория характеризуется автономией по отношению к общей правосубъектности, поскольку ее реализация может происходить при отсутствии полной дееспособности и даже вне воли наследника в силу закона или завещания. В частности, он подчеркивает, что право на наследование возникает независимо от активных действий субъекта и требует от правового порядка особых гарантий для реализации имущественных прав несовершеннолетнего.¹

Формально-юридический подход, доминировавший в цивилистике прошлых времен, рассматривает несовершеннолетнего исключительно как правоспособного субъекта, обладающего ограниченной или нулевой дееспособностью. Согласно данной концепции, участие несовершеннолетнего в наследственных правоотношениях осуществляется исключительно через представителей или органы опеки, и внимание сосредоточено на соблюдении процедурных условий законности. Такой взгляд ярко представлен в работах Шигонина Б.А. и Махальчук О.Д., где подчёркивается автономия нормы и подчинённость несовершеннолетнего институциональному механизму передачи наследства.²

Международно-правовой подход формируется под влиянием таких актов, как Конвенция ООН о правах ребёнка 1989 года. Согласно ей, при рассмотрении любых дел, касающихся ребёнка, «наилучшие интересы ребёнка должны быть первоочередным соображением». Это правило распространяется и на наследственные правоотношения, где ребёнок должен быть не только признан формальным наследником, но и реально обеспечен в имущественном плане. Таким образом, правосубъектность в этом

¹ Гасанов Натиг Фахраддин Оглы (2017). О правосубъектности в наследственном праве. Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, (7), 77-80.

² Михальчук О.Д., Шигонин Б.А., & Шигонина Л.А. (2021). ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПРИ ПРИНЯТИИ НАСЛЕДСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ И СИСТЕМНОСТЬ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОСТЬ. Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ, (21), 105-113.

контексте наполняется содержанием, выходящим за рамки нормы, и переходит в сферу практической правозащиты.

Наконец, трансформационный подход, предложенный в работах современных исследователей, утверждает, что правосубъектность несовершеннолетнего в наследственном праве не является статичной категорией. Напротив, она развивается по мере взросления ребёнка и трансформируется из пассивной в ситуации полной зависимости от представителя в активную, по мере приобретения субъектом дееспособности. Это подчёркивает необходимость гибких правовых механизмов, способных учитывать степень зрелости и осознанности несовершеннолетнего при реализации им наследственных прав.³

Принцип *best interests of the child* заострился в международном праве благодаря Конвенции ООН о правах ребёнка (1989), где закреплён в статье 3 — «при всех действиях, касающихся детей... главным соображением должны быть наилучшие интересы ребёнка».⁴ Доктринальный анализ принципа выявляет две ключевые модели: «всестороннюю» (*welfare approach*), где акцент на защите и защите уязвимых детей, и «права подход» (*rights approach*), который усиливает участие ребёнка в наследственных вопросах по мере роста и развития.

С точки зрения правовой практики, «*best interests*» позволяет вводить обязательные гарантии имущественной безопасности ребёнка, даже если завещание этому противоречит. В странах Великобритании, Австралия созданы институты защиты: например, назначение независимого представителя для контроля исполнения наследственных прав ребёнка. В странах континентальной Европы, то есть Германии, Франции этот принцип закреплён через обязательную долю и судебный надзор.

Проблемы применения обусловлены неопределённостью понятия. Как отмечают теоретики, определение «наилучших интересов ребёнка» расширенно и требует оценки множества факторов: его желания, возраст, семейный контекст и т.д. Комитет ООН предлагает оценочные критерии (General Comment No. 14): способность ребёнка, семейная ситуация, происхождение, мнение ребёнка.⁵ В наследственных отношениях эта неопределённость создаёт правовую дилемму: приоритет чьих интересов — ребёнка или свободы завещания. Доктрина выдвигает две модели разрешения:

1) «Порог» (*threshold*) — ребёнок становится правосубъектом, когда способен выразить мнение;

2) «Взвешивающая» (*weighting*) — все интересы учитываются, но преимущество имеет приоритет защиты ребёнка.⁶

По итогу, международная доктрина трансформирует теорию наследования: в ней уже не важен только правовой акт завещания, но и правозащитная функция, направленная на несовершеннолетнего наследника. Это требует адаптации национального права, даже ориентированного на частную автономию, в сторону

³ Гасанов Натиг Фахраддин Оглы (2017). О правосубъектности в наследственном праве. Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, (7), 77-80.

⁴ https://en.wikipedia.org/wiki/Best_interests?utm_source=chatgpt.com

⁵ https://book.coe.int/en/children-s-rights-and-family-law/6861-the-best-interests-of-the-child-a-dialogue-between-theory-and-practice.html?utm_source=chatgpt.com

⁶ Archard, D. (2013). Children, adults, best interests and rights. *Medical Law International*, 13(1), 55-74. <https://doi.org/10.1177/0968533213486543> (Original work published 2013)

усиления защиты через обязательную долю, возможность обжалования и участие независимых представителей.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что правовой статус несовершеннолетнего как наследника представляет собой сложную теоретико-правовую конструкцию, охватывающую аспекты правосубъектности, социальной функции обязательной доли, международных стандартов защиты прав ребёнка и динамики его участия в наследственных правоотношениях.

Анализ показывает, что традиционная модель восприятия несовершеннолетнего как полностью зависимого участника постепенно уступает место концепции активной правовой защиты. Институт обязательной доли и принцип наилучших интересов ребёнка играют ключевую роль в обеспечении его имущественных прав. Право становится более гибким, способным учитывать не только возраст, но и контекст: семейные отношения, волю наследодателя и реальные интересы ребёнка. Соответственно, развитие правового статуса несовершеннолетнего как наследника требует дальнейшего научного осмысления, расширения практик международного права и повышения эффективности механизмов защиты имущественных прав детей.

Список использованной литературы:

1. Гасанов Натиг Фахраддин Оглы (2017). О правосубъектности в наследственном праве. Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, (7), 77-80;
2. Михальчук О.Д., Шигонин Б.А., & Шигонина Л.А. (2021). «Теоретические аспекты возникновения права собственности при принятии наследства несовершеннолетними и системность правоприменительной практики: генезис и современность.» Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ, (21), 105-113;
3. Гасанов Натиг Фахраддин Оглы (2017). О правосубъектности в наследственном праве. Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, (7), 77-80;
4. Archard, D. (2013). Children, adults, best interests and rights. Medical Law International, 13(1), 55-74. <https://doi.org/10.1177/0968533213486543> (Original work published 2013)